

Т. Г. ИВАНОВА

**А. Д. ГРИГОРЬЕВ И ЕГО СОБРАНИЕ
«АРХАНГЕЛЬСКИЕ БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ»**

Развитие былиноведения в начале XX века было связано с вновь обострившимся для интеллигенции в предреволюционные годы вопросом о народности русской культуры.

Первые годы нового века ознаменовались открытием мощной эпической традиции в Архангельской губернии. Экспедиции трех молодых ученых — А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова и А. Д. Григорьева — опровергли бытовавшее мнение, что в наступающем столетии не удастся найти новые очаги русского эпоса.¹ Последнему из названных фольклористов, А. Д. Григорьеву, по праву принадлежит одно из самых почетных мест среди собирателей-былиноведов конца XIX—начала XX века. Если А. В. Марков и Н. Е. Ончуков могут считаться открывателями двух былинных регионов (А. В. Марков — Зимнего берега Белого моря, Н. Е. Ончуков — Печоры), то А. Д. Григорьев был первопроходцем-фольклористом на Пинеге, Кулое, Мезени и, по сути дела, в Поморье. Н. Е. Ончуков издал один эпический сборник — «Печорские былины» (101 текст).² Старины, собранные А. В. Марковым, вошли в два собрания — «Беломорские былины»³ (116 текстов) и «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года» (53 текста).⁴ «Архангельские былины и исторические песни» А. Д. Григорьева составляют три полновесных тома (424 текста старин, или примерно четверть всех эпических песен, зафиксированных наукой к началу XX столетия).⁵ При этом в сборниках А. В. Маркова и Н. Е. Ончукова можно обнаружить некоторые погрешности против современных принципов издания фольклорных произведений: Н. Е. Ончуков порой не записывал полностью вариант уже знакомого ему сюжета, ограничиваясь отсылкой к сходному тексту другого сказителя; А. В. Марков в отдельных случаях исправлял без оговорок в комментариях так называемые «испорченные», несвязно пропетые сказителем фрагменты.⁶ Собрание

А. Д. Григорьева на фоне других изданий начала XX века в текстологическом плане представляется почти образцовым. Хотя советские исследователи не имеют в своем распоряжении полевых рукописей собирателя, характер его примечаний (А. Д. Григорьев подробно оговаривает каждую сомнительную букву, зафиксированную им в черновых тетрадах) демонстрирует стремление как можно точнее передать на бумаге звучащий текст. Таким образом, и по охвату регионов, и по количеству записей, и в текстологическом отношении григорьевское собрание занимает выдающееся место среди дореволюционных былинных сборников.

В данной статье сделана попытка показать на архивных материалах историю создания собрания А. Д. Григорьева.

Александр Дмитриевич Григорьев (1874—1945) был выпускником Московского университета. В 1899 году он с отличием закончил историко-филологический факультет и был оставлен на два года при кафедре русского языка и литературы для подготовки магистерской диссертации. За год до этого, в августе 1898 года, другой питомец Московского университета, А. В. Марков, побывал на Зимнем берегу Белого моря в с. Зимняя Золотица и записал там прекрасные образцы былин. Летом 1899 года он собирался продолжить разыскание русского эпоса в Поморье. Григорьева заинтересовали результаты первой поездки А. В. Маркова, и он решил также при субсидии этнографического отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии отправиться на Север России с целью записи старин.

Весной 1899 года А. В. Марков и Григорьев совместно готовились к экспедициям. 29 мая Григорьев писал из Москвы Маркову, находящемуся в с. Пушкино по Московско-Ярославской железной дороге на даче у своего отца, протоиерея Маркова: «Мне очень интересно узнать <. . .> поедете ли на Зимний берег, т<ак> к<ак> думаю в зависимости от этого поставить свой маршрут. Уведомьте меня об этом<. . .> Нет ли у Вас описания Архангельской губ<ернии>? Если есть, привезите мне для прочтения. . .»⁷ Судя по открытке от 3 июня, Марков и Григорьев встретились, первый привез карту Архангельской губернии, были обсуждены маршруты обеих поездок. Григорьев искал в магазинах необходимое описание Архангельского края, но того, что надо, не нашел, купил «Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений».⁸

Получив через Богданова⁹ бесплатный железнодорожный билет до Архангельска, 5 июня 1899 года Григорьев отправился в свое первое путешествие по Русскому Северу. Из Архангельска собиратель на пароходе приехал в г. Онегу, побывал в д. Каменихе, расположенной на р. Онега в 15 верстах выше города, в поморских селениях Нюхче, Колежме, Сумпосаде. За месяц работы он записал 181 текст фольклорных произведений разных жанров. Своими первыми, самыми свежими впечатлениями о поездке Григорьев по возвращении на родину, в г. Белу Седлецкой губернии, делился в письме к Маркову:¹⁰ «Я приехал домой в г. Белу только вчера 22 июля почтовым.

Я весьма рад, что Вам поездка удалась. Старин Вы записали довольно порядочно, да и есть много новых, что будет весьма и весьма интересно.¹¹ Опишу вкратце свою поездку.

Приехав в Архангельск, я сделал визит губернатору и на другой день получил от его канцелярии 1) открытый лист для скорого проезда по прогонам и 2) открытое предписание всем сельским и полицейским властям оказывать мне всяческое законное содействие (последнюю бумагу я благоразумно держал в секрете, предпочитая для успеха поездки иметь дело с народом, чем с властями). В Арх<ангельске> записал 4 дух<овных> стиха. Из Арх<ангельска> выехал на запад. В Онеге и окрестных деревнях пробыл неделю, в д. Нюхче также неделю, в д. Колежме неделю, в п. Суме 1 день. На обратном пути пробыл двое суток в Ярославле и неделю у товарища в имении подле Харькова. Т<ак> к<ак> я ездил везде (кроме Онеги) первым исследователем по собиранию этнограф<ических> материалов (не говорю о Максимове¹²), то относились недоверчиво, боясь, чтобы я не упрятал их куда-н<ибудь> или на этом еще свете, или на будущем (являсь там с рукописанием); поэтому относительно Вашей поездки моя поездка немного неудачна, но абсолютно удачна (в особенности т<ак> к<ак> это первый раз; во второй раз поездка туда будет также удачна, т<ак> к<ак> материал еще остался). Все-таки я записал 30 старин,¹³ 28 дух<овных> стихов, 4 историчес<ких> песни, песен игрищ<ных> 8, свадебн<ых> 10, песен — 3, свадебн<ых> причитаний 24, похорон<ных> — 5, наговоров — 62, сказок — 5, бывальщина — 1, прибаутка — 1. = Всего 181. Есть вещи новые, но т<ак> к<ак> я не имею сейчас под руками книг и еще не разобрался, то не могу сказать, сколько именно старин новых. Подробнее ознакомьтесь из моих путевых записок, которые я еще не кончил, а кончу на днях. В Москву приеду во второй половине августа. Купил несколько рукописей. В Ярославле списал, что мне надо.¹⁴ В общем я думаю, что наша поездка не окажется бесследной. Теперь от Мурм<анского> парох<одства>, вероятно, и на будущее время можно будет получать бесплатные билеты (я получил такой; и просил оказывать поддержку и на будущее время). Тетрадей взятых с собою даже не хватило, пришлось докупить бумаги. Я думаю также напечатать, но где и как — будет видно еще потом.

Спустя несколько месяцев, в третьем номере «Этнографического обозрения» за 1899 год, была опубликована рецензия Григорьева на сборник Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша «Песни русского народа». Ее появление было целиком вызвано только что прошедшей экспедицией молодого ученого в Поморье. Члены Русского географического общества Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш в 1886 году совершили по Северу России фольклористическую поездку. За три летних месяца, проделав путь в 4500 верст и побывав в Петрозаводске, Заонежье, Поморье, Архангельске, Шенкурске, Вологде, они записали 183 текста (весьма малое количество!) разных жанров. В Архангельской губернии в г. Онеге экспедиция сумела зафиксировать лишь одну эпическую песню — балладу «Князь Митрий» («Князь, княгиня и старицы»)¹⁵ В предисловии к своему сборнику Ф. М. Истомин

говорил: «. . .относительно Заонежья нужно признать выдающимся явлением сохранение в нем эпической старины, обнаруживающейся в обилии сказителей и сказительниц, поющих былины. По мере удаления к северу эпос значительно ослабевает; в Обонежье сказителей уже несравненно меньше < . . . > В Архангельской губернии былина уже явление редкое. . .»¹⁶ Результаты поездки Григорьева, совершенной им через 13 лет после Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша, опровергли этот скороспелый вывод, на что и указывал собиратель в своей рецензии. По мнению ученого, причина неудачи его предшественников заключалась в следующем: во-первых, в «быстроте», с которой экспедиция двигалась¹⁷ и, во-вторых, в методе общения с крестьянами. Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш при содействии сотского, десятника или урядника собирали народ и, объяснив цель своего приезда, делали записи песен. Сам же Григорьев, как видно из приведенного выше письма, предпочитал «для успеха поездки иметь дело с народом, чем с властями». Преодолевая естественное недоверие поморов к заезжему барину, занимающемуся непонятным для них делом — записыванием старин и песен, — собиратель почти всегда умел добиться желаемых результатов.

Успех первой экспедиции окрылил Григорьева. И на следующий год он решил продолжить исследование эпической традиции в Архангельском крае. Летом 1900 года на средства Отделения русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС) собиратель совершает еще одну поездку по Северу России.¹⁸ Он намеревался побывать на Пинеге и Мезени, но обилие старин, встретившихся в Пинежье, заставило Григорьева целиком сосредоточиться на этом регионе. За два месяца работы ученый записал 174 старины.¹⁹ Во время этой экспедиции Григорьев открыл для науки талантливейшую русскую сказительницу М. Д. Кривополенову. От нее он записал уникальный текст скоморошины «Вавила и скоморохи». Через 15 лет после Григорьева другая московская собирательница фольклора, О. Э. Озаровская, встретила с этой старинницей и привезла ее в Москву. Концерты М. Д. Кривополеновой в Москве и других российских городах явились выдающимся событием в культурной жизни страны.

Намерение пробраться дальше, на восток Архангельской губернии, не покидало собирателя. Сразу же по возвращении из пинежской экспедиции он начинает хлопотать в Отделении русского языка и литературы о предоставлении ему в будущем 1901 году субсидии для поездки на Кулой и Мезень. В письме Григорьева к А. А. Шахматову, председателю ОРЯС, от 24 ноября 1900 года читаем: «Т<ак> к<ак> я надеюсь получить там большую пожизну в былинном отношении, то мне сильно хочется отправиться туда (маршрут: Пинега, р. Кулой с несколькими деревнями и р. Мезень — со многими, хотя я не знаю еще, можно ли летом проикнуть с Кулоя на Мезень). Но как для всего, так и для этого есть камни преткновения. Они заключаются в моем переходном (я готовлюсь к магистерскому экзамену) и недостаточном положениях. Я оставлен при Университете на два года. На этот срок мне назначена стипендия Третьякова

(около 600 р.), которая по своим условиям не может быть продолжена на 3-й год. Т<ак> к<ак> у меня самого средств нет, а еще приходится учить на свой счет сестру и помогать матери, то это заставляет меня спешить выдержать этот экзамен, чтобы потом свободнее было добывать средства к существованию. При непрерывной подготовке я мог бы сдать его в начале следующего академичес<кого> года, т<о> е<сть> как раз перед окончанием моей стипендии. Если же я поеду на Кулой и Мезень, проведу там около 2-х, по крайней мере, месяцев, затем буду разбираться в записанных былинах и готовить их к печати, на что уйдет несколько месяцев, то очевидно, что держание экзамена отсрочится еще на год. Поэтому для меня, в случае поездки, необходимы субсидия для поездки и поддержка потом в течение года (с января 1902 г.).»²⁰ По совету А. А. Шахматова, ученый вышел с официальным ходатайством во Второе отделение Академии наук о пособии на поездку. Согласие ОРЯС было получено, и Григорьев с присущей ему тщательностью стал готовиться к экспедиции. Понимая, что чисто филологическая запись старин не отразит всего их художественного значения, собиратель на этот раз решил непременно взять с собой фонограф для фиксации напевов. 17 декабря 1900 года он писал А. А. Шахматову: «Я ходил на днях по магазинам, узнал практически, что фонограф может записать среднюю громкость напева былин; посмотрел, какой фонограф наиболее годится для моей цели; узнал, сколько он стоит, сколько стоят валики, которых я хотел бы взять до 50 штук. На фонограф и валики необходимо около 70—80 рублей. . .»²¹

Фонограф был куплен, маршрут определен, и 30 мая 1901 года Григорьев выехал из Москвы в свою третью фольклорную экспедицию. Сначала он побывал на Пинеге, где записал на фонограф напевы прошлых годов исполнителей. Затем по волоку между г. Пинегой и с. Кулой на лошадях добрался до р. Кулой. По Кулою и его притокам Немногие и Сояне собиратель передвигался исключительно на лодках. Позднее, в 1928 году, фольклорист вспоминал опасности переезда из с. Карьеполье в с. Долгая Щель: «Везли меня старик-отец и его 16-летняя дочь. Отец правил на корме, а дочь гребла двумя веслами. Сильный встречный ветер развил большое волнение и грозил опрокинуть лодку при каждом неосторожном движении. Бывшая нашим единственным гребцом девица никогда не бывала еще в широком пизовье Кулоя и боялась волн, набегавших на нее сзади. Она устала от гребли в течение многих часов (между селениями 60 верст). Но пристать к глинистому берегу для отдыха, подставляя борт лодки сильному ветру, было опасно. . . Когда же мы были уже в версте от с. Долгой Щели, начался сильный прилив, повернувший течение реки обратно и понесший лодку вверх, вследствие чего пришлось долго „пехаться“ шестами, чтобы подтянуться к самому селу». ²² Путешествие фольклориста по Кулою осталось памятным не только для него; его приезд явился значительным событием и в жизни самих кулойцев. О всех подробностях пребывания собирателя в той или иной деревне жители помнили спустя много лет. Так, в 1916 году О. Э. Озаровской пришлось встретиться со ска-

зителем из Карьеполья Н. П. Крычаковым. У нее с былинщиком произошел следующий разговор:

«В 1916 году он явился в ту избу, где я была (я сразу заподозрила в нем знатока былин), расспросил меня, откуда я, и в ответ на просьбу спеть старину ответил:

— 15 лет назад у нас был московец хромой, я ему пел. . .

— Ну и мне спой.

— Он с трубой был (фонограф), на трубу списывал.

— И у меня труба есть. И я на трубу.

— Он деньги платил.

— И я заплачу. . .

— Два раза один товар не продают.

И ушел, даже не оглянулся».²³

Выйдя из устья Кулоя, Григорьев на карбасе попытался доехать до с. Койда на Кедах, на берегу Ледовитого океана, но непогода воспрепятствовала этому плану. 10 июля морем собиратель добрался до р. Мезень. Здесь он обследовал эпическую традицию на участке г. Мезень — с. Б. Нисогоры. Затем по волоку между Б. Нисогорами и с. Усть-Ежуга переехал на Пинегу, откуда возвратился в Москву.

Всего за экспедицию 1901 года Григорьев собрал 212 текстов эпических произведений: 92 старины на Кулое и 120 на Мезени, 174 напева — пинежских, кулойских и мезенских — было зафиксировано на фонограф.²⁴

После возвращения из кулойско-мезенской экспедиции перед ученым встала другая, не менее трудная, чем запись былин в глухих, малодоступных местах, задача — опубликовать свое собрание.

Намерение напечатать записанный им материал возникло у Григорьева сразу же после его первой, поморской, поездки. В начале 1900 года он писал А. В. Маркову: «Я был 4-го янв<аря> у Вс<ево>лода» Федоровича Миллера» и узнал от него кое-что относительно издания. . .»²⁵ Первоначально было решено зимне-золотничьи записи Маркова и поморские былины Григорьева издать вместе. В этом собрании материалы Григорьева занимали бы подчиненное место: они составляли меньшую часть книги.²⁶ Результаты второй, пинежской, экспедиции, совершенной при субсидии ОРЯС, оказались столь значительными, что у собирателя появилась возможность подготовить к печатанию свой собственный том былин. Осенью 1900 года ученый обратился во Второе отделение Академии наук с предложением на средства Академии опубликовать записанные им на Пинеге былины и 8 ноября выслал в Петербург уже перебеленные рукописи пинежского собрания.²⁷ Материалы рассматривались А. А. Шахматовым и А. Н. Веселовским. В декабре этого же года к пинежским записям Григорьев присоединил поморские эпические песни.²⁸ Таким образом, корпус первого тома будущего собрания «Архангельские былины и исторические песни» определился к концу 1900 года. К этому же времени у ученого стало складываться и общее представление о научном аппарате издания. В письме к А. А. Шахматову от 24 ноября 1900 года он говорит об основных положениях вступительной статьи к пинежским былинам (значение «шутовых» старин

в репертуаре этого региона, исследование стихотворного размера и т. д.). Здесь же намечается дать указатель, где старины были бы разобраны по редакциям и типам. Собиратель пишет о том, что хотел бы сделать в томе «достаточное число разных указателей».²⁹

Экспедиция 1901 года внесла значительные коррективы в планы издания. Появилась возможность к пинежскому корпусу былин сделать нотное приложение напевов, записанных на валики фонографа. Встал вопрос о необходимости печатать кулойские и мезенские старины (два тома) и нотные расшифровки к ним. Возникла идея сделать карту с указанием мест записи русского эпоса на Севере России по материалам всех опубликованных сборников (П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и т. д.). К тому же во время поездки 1901 года Григорьевым были сделаны фотографические снимки сказителей и деревень. Их он также думал поместить в своем собрании. Вся эта программа издания была изложена Григорьевым в письме во Второе отделение Академии наук 17 сентября 1901 года.³⁰ План собирателя был принят, и ученый приступил к подготовке своих былин к печати.

Прежде всего необходимо было перебелить полевые записи кулойских и мезенских былин. Сам Григорьев готовился к магистерским экзаменам, занимался диссертацией. Времени на переписку двух обширных томов у него не было. Поэтому он попросил ОРЯС дать ему средства для оплаты труда переписчиков. Деньги были выделены; осенью 1901 года переписчики приступили к работе. Григорьев надеялся, что перебеливание материалов кулойско-мезенской экспедиции будет сделано в краткие сроки. Но из-за необязательности его помощников дело затянулось. «Только 8-го мая (1902-го года) кончилась переписка собранных мною летом прошлого года былин (старин). Причиной такой неприятной для меня медленности переписки явилась неаккуратность переписчицы, которая, дав обещание переписать свою часть в месяц, еле кончила ее на четвертый месяц», — писал ученый во Второе отделение Академии наук 10 мая 1902 года.³¹

Параллельно шла работа по расшифровке напевов былин. С большим трудом Григорьев нашел музыканта, который взялся за сложную задачу перевода фольклорной мелодии на ноты. Им оказался И. С. Тезавровский,³² который первоначально полагал расшифровать 19 пинежских валиков за один месяц, по сроку не выдержал. За три месяца было нотировано вчерпе всего 8 валиков.³³ Только в мае 1902 года Григорьев мог наконец сообщить ОРЯС о близящемся завершении расшифровки пинежских напевов: «Мой музыкант наконец окончил перевод на ноты напевов пинежских былин и духовных стихов (18 валиков). С этими нотами я был у академика» Ф. Е. Корша уже три раза, раз сам, а два раза с музыкантом. Проверено до сих пор 5 валиков, остальное ждет очереди».³⁴

Контролируя переписку текстов и расшифровку напевов, сам Григорьев готовил к печати научный аппарат издания: писал вступительные статьи к мезенскому и кулойскому томам, составлял характеристики деревень и сказителей. В основном вся эта работа была закончена к лету 1902 года.³⁵

Встал вопрос о том, где удобнее и быстрее можно напечатать былины Поморья и Пинежья. Так как собрание издавалось за счет Академии наук, то первоначально предполагалось, что печататься оно будет в академической типографии в Петербурге. Но Григорьеву, жившему в Москве, это было неудобно. Пересылка гранок и корректур из одного города в другой неизбежно затянула бы работу. Поэтому весной 1902 года Григорьев обратился к А. А. Шахматову со следующей просьбой: «Нельзя ли перенести печатание былин из Петербурга в Москву <...> Ведь в академ<ической> типографии по ее заваленности мои былины будут печататься целых 9 лет, если считать по 10 печ<атных> листов в год <...> Это может надоесть мне, ведь надо же переходить к новым занятиям, а тут придется всякий раз возобновлять в памяти прежнее».³⁶ В сентябре ученый все еще продолжал хлопоты о переносе печатания былин из Петербурга в Москву. 2 сентября он написал А. А. Шахматову подробное письмо с указанием условий и расценок, которые предлагают различные московские типографии. В этом же письме он строил весьма оптимистичные планы о сроках печатания всего своего собрания: «Напечатать 3 тома можно бы и в год или ранее, но ввиду того, что переведена только половина нот, что их еще будет проверять с музыкантом Ф. Е. Корш, что надо еще перевести остальную половину, что придется возиться с их клише, что надо составлять и указатели, и т. д. — лучше рассчитать все печатание на 2 года».³⁷ Григорьев и не предполагал тогда, что желаемые два года растянутся почти на сорок лет.

Академия наук разрешила Григорьеву печатать былины в типографии Московского университета. Принципиальное согласие ОРЯС было получено осенью 1902 года, но официальное решение принято лишь 3 мая 1903 года.³⁸ Наконец, летом 1903 года, Григорьев приступил к печатанию первого тома «Архангельских былин и исторических песен». С самого начала темпы работы типографии его не удовлетворили: «Печатание былин по вине типографии идет медленнее, чем я предполагал. Оригинал я отдал в типографию в начале июня (2-го и 3-го), а первые гранки получил только 24-го июня. Особенно долго пришлось возиться с первым листом. Теперь дело с технической стороны уже наладилось, но типография мало присылает мне, т<ак> к<ак> печатает спешно этим шрифтом учебники; потом обещают поторопиться и давать в месяц листов 9».³⁹ Работал с корректурой Григорьев чрезвычайно тщательно. Он держал три корректуры, каждую из них читал по три-четыре раза, причем тексты былин сверял со своими полевыми записями. Отпечатанные листы Григорьев тут же отсылал для ознакомления А. А. Шахматову.

На темпы печатания первого тома былин помимо чисто технических факторов влияли еще и общественно-политические события. В одном из писем собирателя к А. А. Шахматову читаем: «У нас, как Вам известно, была забастовка типографских рабочих. Она продолжалась неделю. Затем после забастовки рабочих устроили забастовку владельцы типографий, чтобы заставить заказчиков повысить

плату за заказы по поводу повышения заработной платы типографским рабочим». ⁴⁰ Григорьеву пришлось пойти на уступки и повысить плату за лист до 17 руб. 50 коп.

Несмотря на все трудности, надо признать, что печатание первого тома шло все-таки довольно быстро. Периодами Григорьев был завален корректурами. В письме к А. А. Шахматову он жалуется: «...я из-за корректуры не вижу божьего света и не могу заняться ничем другим (мне очень досадно, что я не могу заняться сейчас диссертацией. . .)». ⁴¹ К 1 ноября 1903 года был начисто напечатан 21 лист и 4 листа были в гранках. ⁴²

В августе 1903 года в московскую литографию Гроссе были сданы ноты пинеевских эпических напевов. Гроссе обещал начать литографирование в конце октября, и Григорьев надеялся, что первый том с нотами будет готов к Рождеству 1903 года. ⁴³ Однако в феврале 1904 года ноты отпечатаны еще не были. К тому же Григорьеву пришлось самому проверять корректуру нот. 21 февраля он сетовал в письме к А. А. Шахматову: «Мой музыкант просмотрел 3 корректуры нот для 1-го тома. Стал просматривать их и я. Оказалось, что есть ошибки по невнимательности его не только от установленного нами сообщения текста, но и в нотах. Поэтому я должен был потратить целую неделю на проверку третьей корректуры и сверку ее с черновиками». ⁴⁴ Печатание текстов также не было закончено в 1903 году. За первую половину 1904 года Григорьеву пришлось проверить в корректуре 27 листов былин. К тому же он написал предисловие ко всему изданию, составил указатели и обзор вариантов старин, помещенных в первом томе. ⁴⁵ Последние страницы тома — оглавление — были напечатаны весной 1904 года. ⁴⁶ Осенью закончили брошюровку книги, и вскоре она была пущена в продажу. Часть экземпляров продавалась в пользу Академии наук, другая часть была передана в распоряжение составителя. Григорьев решил распродать свою часть позднее, когда академические экземпляры будут раскуплены и книга станет редкостью. Большинство экземпляров собирателя, не распроданных к 1915 году, погибло в Варшаве (где ученый жил с 1912 по 1915 год) при оккупации города войсками кайзеровской Германии. ⁴⁷

Выход в свет первого тома григорьевского собрания был отмечен многочисленными доброжелательными рецензиями. Е. Ф. Карский назвал книгу «прекрасным собранием молодого энергичного этнографа». ⁴⁸ Отмечалась тщательность записи текстов. ⁴⁹ Указывалось на то, что «описание процесса записывания, сообщение массы данных и впечатлений, вынесенных собирателем из своих поездок, несомненно, окажут большую пользу последующим исследователям-этнографам». ⁵⁰ Особо подчеркивалось огромное научное значение собранных Григорьевым скоморошин. Один из рецензентов, говоря о неясности роли скоморохов в развитии русской культуры, подчеркивал: «Теперь этот туман может постепенно рассеяться, благодаря вкладу, сделанному пытливым собирателем в сокровищницу народного творчества». ⁵¹ Музыковеды отмечали незаурядность нотного материала. До Григорьева ни в одном собрании русского эпоса

нотные расшифровки не были представлены в таком количестве.⁵²

8 октября 1904 года, еще занимаясь делами своего первого былинного тома, Григорьев писал А. А. Шахматову: «По отправлении в книжный склад Академии экземпляров 1<го> тома я готов приступить к печатанию 2-го тома. . .»⁵³ Печатание третьего, мезенского, тома началось еще в январе 1904 года.⁵⁴ Ученый полагал, что типография могла бы параллельно печатать кулойские и мезенские былины и таким образом закончить их издание одновременно. Но вскоре в личных делах ученого наступили перемены. Он давно, желая ознакомиться с достижениями филологии в иностранных университетах, хлопотал о заграничной поездке. В начале 1905 года Министерство просвещения предоставило Григорьеву возможность отправиться в двухгодичную зарубежную командировку. До отъезда он сумел завершить два важных дела, связанных с публикацией его собрания: закончил в нотопечатне Гроссе литографирование нот кулойских и мезенских напевов и отпечатал в Петербурге в картографическом заведении Ильина былинную карту.

Подготовка кулойских и мезенских напевов к публикации отняла у Григорьева много сил и времени. Необязательность и медлительность И. С. Тезавровского бесконечно откладывали окончание работы. «Беда мне с напевами, — делился ученый своей заботой с А. А. Шахматовым в письме от 1 ноября 1903 года. — Осталось перевести еще 10 валиков, но никак не могу заставить музыканта взяться за окончание их, хотя просил об этом и письменно, и лично (на письма не отвечает по музыкантской аккуратности)».⁵⁵ Через год, в ноябре 1904 года, ноты кулойских былин были сданы в нотопечатню.⁵⁶ Но расшифровка мезенских старин все еще не была завершена: «Ноты для третьего тома я понемногу раздобываю у музыканта, который проверяет их с весны, и проверяю теперь их. Но, к сожалению, очень трудно получать их от него: за раз дает всего две страницы, а иногда и совсем не получаешь ничего, — писал ученый А. А. Шахматову в конце ноября.⁵⁷ И все-таки, несмотря на волокиту И. С. Тезавровского, Григорьеву удалось до отъезда за границу в начале 1905 года напечатать ноты к кулойским и мезенским старинам.

Тогда же в картографическом заведении Ильина в Петербурге была напечатана карта Севера России с обозначением всех мест, где были когда-либо записаны былины (по сборникам П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Ф. М. Истомина, Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова и А. Д. Григорьева). Готовя эту карту, Григорьев писал в своем отчете Отделению русского языка и словесности: «Эта карта будет полезна при изучении редакций былин, давая разобраться, где распространена та или иная редакция».⁵⁸

Отъезд собирателя неизбежно затягивал печатание второго и третьего томов «Архангельских былин», которые, кстати, решено было печатать не в Москве, а в Петербурге, в академической типографии. Поначалу ученый смотрел на возможный скорейший за-

вершения работы довольно оптимистически: «За границей также буду продолжать печатание былин. Помогать в корректуре мне обещала жена».⁵⁹ За 1905 год было напечатано 10 листов (всего 16 листов, с учетом 6-ти листов, отпечатанных в 1904 году) третьего тома.⁶⁰ Через два года, по возвращении в Москву, Григорьев писал А. А. Шахматову: «Печатание былин подвигается вперед, но ввиду моих странствований не так скоро, как это хотелось бы. До сих пор напечатано 3/5 третьего тома. Первая половина второго тома уже два года лежит в Академической типографии, но до сих пор к ее набору не приступали».⁶¹ А еще через полтора года в его письмах уже слышатся усталость и почти отчаяние: «Меня <...> сильно удручает медленность в печатании былин, и я был бы очень рад, если бы оказалось возможным для типографии повести это дело поскорее. Уже два месяца я не получаю ни одной корректуры».⁶²

По-прежнему печатание третьего тома еще не закончено, а ко второму тому типография еще и не приступала. И лишь в конце 1909 года Григорьев мог с облегчением сообщить А. А. Шахматову: «Третий том „Архангельских> былин и исторических> песен“ после 6-летнего печатания заканчивается и выйдет, вероятно, еще в декабре (теперь печатается уже оглавление и заглавия его)».⁶³ В меженском томе была помещена и былинная карта, которая до сих пор является неоценимым подспорьем для всех фольклористов в изучении региональных особенностей русского эпоса.

Том вышел в самом начале 1910 года. И вскоре Григорьеву за выпуск этого сборника была присуждена Академией наук золотая медаль имени А. С. Пушкина. Это была награда за бесконечное терпение и самоотверженность в работе. «Известие о присуждении мне золотой Пушкинской медали за 3<-й> том> Архангельских> былин весьма порадовало и ободрило меня», — писал ученый А. А. Шахматову 20 марта 1910 года.⁶⁴

Оставалось опубликовать второй — кулойский — том, который уже давно лежал в академической типографии. Но личные обстоятельства заставляли Григорьева на некоторое время отложить это предприятие. «С печатанием второго тома <...> придется подождать, по крайней мере год или два, пока не покончу с диссертацией и не поправится мое экономическое положение», — писал он А. А. Шахматову.⁶⁵

Ученый в этот период интенсивно работал над диссертацией. В 1913 году он издал свой главный труд в области древнерусской литературы — «Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты» и в том же году защитил по повести магистерскую диссертацию.

С 1912 года Григорьев жил в Варшаве, преподавал в университете и на Высших женских курсах. Работа со студентами отнимала много времени. Отдаленность от Петербурга, где должен был печататься кулойский том, также не способствовала завершению работы над ним. Начавшаяся в 1914 году первая мировая война отодвинула публикацию кулойских былин на неопределенное время. В начале лета 1915 года создалась угроза оккупации Варшавы немецкими

войсками. Варшавский университет был эвакуирован в Москву, а затем переведен в Ростов-на-Дону. Эвакуация была неожиданной. В Варшаве Григорьеву пришлось бросить не только большую часть имущества, но и многие научные материалы. 23 сентября 1915 года ученый с горечью писал А. А. Шахматову: «В Варшаве пропала не только моя библиотека, но и издания Архангельских былин,⁶⁶ лекций по русскому языку⁶⁷ и т. д. < . . . > Пропали валики фонографа с напевами былин (переведенные, по счастью, на ноты), материалы по восточным версиям повести об Акире Премудром». К счастью, мне удалось вывезти оригиналы⁶⁸ 2-го тома былин. . .»⁶⁹

Два академических года (1915/16 и 1916/17) Григорьев проработал в Ростове. В обстановке войны, эвакуации нечего было и думать о печатании былин. Февральские, а затем июльские события 1917 года, неустойчивость политической обстановки заставили ученого обеспокоиться судьбой чистовой рукописи кулойского тома, находившейся в типографии Академии наук в Петрограде. Будучи в августе 1917 года в столице по делам, связанным с его возможным переводом в Томский университет, Григорьев обратился в ОРЯС с просьбой: ввиду тревожных событий временно возвратить ему рукопись второго тома и три экземпляра нотных приложений к этому тому. Отделение удовлетворило ходатайство собирателя и 27 августа выслало рукопись Григорьеву в Ростов-на-Дону.⁷⁰ Таким образом, теперь в руках ученого оказались и полевые записи, и перебеленные материалы кулойских былин, и нотные расшифровки к ним.

Осенью 1917 года Григорьев был назначен деканом вновь открытого историко-филологического факультета Томского университета. Новый переезд — с юга России в Западную Сибирь. Только что образованный факультет начинал свою работу в сложной исторической обстановке. Великая Октябрьская социалистическая революция, установление в Томске советской власти (декабрь 1917 года), контрреволюционный мятеж (май 1918 года), период колчаковщины (1918—декабрь 1919 года), ломка старого и сложное становление нового — все это нарушило привычный ход жизни академического ученого. В 1922 году Григорьев выехал из России в свой родной город Белу, который после первой мировой войны оказался на территории Польши. Ученый побывал в своей старой варшавской квартире и нашел ее разграбленной. После нескольких переездов (Брест, Ужгород) Григорьев обосновался в Чехословакии, в словацком городе Пряшеве. Остается только удивляться, что при кочевании из одного города в другой, из одной страны в другую Григорьев сумел сохранить рукописи кулойских былин и другие научные материалы (например, коллекцию старорусских книг и рукописей).

В 1925 году ученый предложил чешской Академии наук и искусств в Праге опубликовать на ее средства кулойские эпические песни. Ответ был положительным. Но еще долгое время собиратель не мог приступить к их изданию. В 1928 году в чехословацком журнале «Slavia» О. Э. Озаровская поместила статью «Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ.», в которой делилась своими впечатлениями о поездке по Кулою. В этой заметке она мимоходом

сказала, что кулойские материалы Григорьева погибли в Варшаве во время первой мировой войны.⁷¹ Это упоминание заставило Григорьева выступить с уже упомянутой выше статьей «Мои воспоминания о записи кулойских былин». В ней собиратель разъяснял: «В Варшаве погибли подлинные мои записи и чистовики напечатанных уже 1 и 3-го томов „Архангельских былин“, как и все мои печатные экземпляры этих томов, а также напевы старин на валиках фонографа и сам фонограф. Подлинные же записи и переписанный чистовик второго тома, обнимающего кулойские старины, были увезены мною из Варшавы сначала в Вязьму, затем в Ростов-на-Дону, потом в Томск, откуда были вывезены в Польшу (в г. Белу), а оттуда в Чехословакию».⁷² Это свидетельство ученого имеет чрезвычайную важность в связи с готовящейся Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР серией «Былины» Свода русского фольклора. Остается надежда, что в Чехословакии удастся найти черновые и чистовые рукописи кулойских былин.

В 1935 году чешская Академия наук и искусств наконец смогла выделить средства для печатания кулойского тома. Кулойские былины были изданы с той же тщательностью и скрупулезностью, что и старины предыдущих книг. В работе над корректурой Григорьеву помогала его вторая жена Елена Сергеевна Григорьева. Она же составила алфавитный список собственных имен ко всем трем томам собрания. Осенью 1939 года кулойские старины наконец увидели свет. Таким образом, спустя почти сорок лет после записи, наконец-то, все григорьевские былины были опубликованы. Благодаря терпению, энергии и настойчивости собирателя фольклористы получили возможность целиком ознакомиться с одним из самых крупных собраний русского эпоса.

Выход последнего тома «Архангельских былин и исторических песен» не остался незамеченным зарубежной славистикой. В журнале «Deutsche Literaturzeitung» была напечатана доброжелательная рецензия известного ученого Макса Фасмера. Оценивая труд Григорьева, он писал: «Наука имеет все основания быть благодарной господину Григорьеву за его самоотверженную работу».⁷³

Остается сказать несколько слов о теоретических взглядах ученого на методы исследования былин.

Научная деятельность Григорьева разворачивалась в конце XIX—начале XX века — в тот период, когда в нашей фольклористике господствовала историческая школа В. Ф. Миллера. Сам Григорьев, учившийся в Московском университете, слушал лекции маститого ученого, но последователем его взглядов не был и учеником Миллера себя не считал. Напротив, уже в университете он выступил с рефератом, основные положения которого значительно расходились с идеями главы исторической школы. В подтверждение сказанного приведем цитату из письма Григорьева к А. А. Шахматову, написанного вскоре после выхода первого тома его собрания: «Недавно я узнал, что профессор Всеслав Федорович Миллер посоветовал студентам 4-го курса не приобретать сборника моих былин, так как он плох, а приобретать сборник Маркова (его

ученика) и в крайнем случае Гильфердинга. Такое отношение его к моему сборнику удивило и огорчило меня. Удивило потому, что первый том этого сборника был у Всеволода <Федоровича> еще в рукописи и затем он получал листы его по мере его печатания, а между тем не указывал ни на какие особенные недостатки его <...> Огорчило это меня потому, что, несмотря на то, что Всеволод <Федорович> иногда считает возможным отличать своего ученика от того, *кто не хочет числиться его учеником* (здесь и далее выделено А. Д. Григорьевым. — Т. II.), я все-таки относился всегда к нему с уважением и думал, что, найдя недостатки, он укажет их мне лично или печатно, чтобы я мог избежать их в будущем, а не станет говорить втихомолку, когда обвиняемому нельзя привести своих оправданий. По-видимому, единственная вина моя перед ним в том, что я напечатал в предисловии к тому свое мнение о малой продуктивности теперешнего метода исследования былин (которого держится и Всеволод <Федорович>) и о необходимости более точного изучения их. *Свое мнение я высказал еще на студенческой скамье* и не могу отказаться от него, несмотря на то, что Всеволод <Федорович> не согласен с ним. . .»⁷⁴

Григорьев прямо говорит о том, что еще во время учебы в университете у него сложились нетрадиционные для предреволюционной фольклористики взгляды на изучение былин. К сожалению, ученый не оставил ни одного крупного исследования по былиноведению. Единственная опубликованная статья Григорьева по русскому эпосу — «Общие результаты работ собирателей и исследователей русских былин» — представляет собой текст его первой лекции, прочитанной 24 сентября 1903 года в Московском университете и повторенной потом в 1905 году в Вене и в 1906 году во Львове и Праге в местных студенческих русских обществах. В лекции исследователь в соответствии с заглавием лишь говорит об основных итогах развития былиноведения, не вдаваясь в дискуссию по вопросу о методах изучения русского эпоса. Ученый специально подчеркивал: «...я укажу общие результаты работ исследователей русских былин, *не входя в способы, коими эти результаты добыты*».⁷⁵

У нас есть сведения, что в 1902 году Григорьев написал еще две былиноведческие статьи — одна о новейших записях былин для Архива г. Ягича,⁷⁶ а другая о новой былине «Путешествие Вавилы со скоморохами».⁷⁷ Однако ни в одном из изданий этих исследований ученого нам обнаружить не удалось. Видимо, они напечатаны не были.

В сжатой форме взгляды Григорьева на методы изучения былин были высказаны в предисловии к первому тому его собрания. В основном они сводятся к следующему: для понимания каждого сюжета прежде всего необходимо исследовать все его варианты и установить «редакции и типы, и их отношения друг к другу (т. е. их генетическое древо) и приурочить их к определенным местностям, указать источники старины (и отдельных ее редакций) и ее отношения к другим старинам и памятникам устной и письменной словесности и приурочить на основании этого редакции ее к определенному вре-

мени».⁷⁸ «Указанный < . . . » способ исследования старин не является новостью, — писал ученый, — он давно применен к изучению памятников нашей древней письменности; его стали применять и к изучению старин, но только слегка, я же настаиваю на необходимости более точного и систематического приложения его к изучению старин, при котором нельзя обойтись сравнением одних крупных эпизодов и одними собственными именами, а придется сравнивать от начала до конца весь текст, все слова. . .»⁷⁹ В самом приближенном виде этот метод изучения былин был реализован в разделе «Обзор вариантов», который есть в каждом из томов эпического собрания Григорьева. Здесь все тексты каждого сюжета разделены на определенные редакции и типы.

Приведенные методологические положения вызвали несогласие со стороны некоторых рецензентов «Архангельских былин». Критик «Этнографического обозрения» писал: «. . . нужно напомнить г. Григорьеву, что былина не рукопись и что нельзя применять вполне к произведениям устной словесности приемы, с успехом, может быть, применяемые к письменным памятникам. Установление и изучение редакций, типов и разновидностей слишком заслонили от автора самую былинку, тогда как на *первый* план надо поставить изучение былины „в связи с относящимися к ней литературными и историческими фактами“».⁸⁰ Думается, оппонент Григорьева был неправ. Для Григорьева выделение редакций одного сюжета и построение его генетического древа было не самоцелью, а путем к пониманию сути былины и причин связи ее с литературными и историческими фактами.

В современной фольклористике подобный метод работы является уже привычным и, можно сказать, обязательным для каждого серьезного исследования. Много внимания вопросу о различных редакциях сюжетов и их региональной специфике уделяется в классическом советском сборнике русского эпоса «Былины Севера» А. М. Астаховой. В работах последнего времени сопоставление версий и редакций одного и того же сюжета также занимает важное место в методике исследования.⁸¹

В известном смысле в фольклористике А. Д. Григорьев является автором одной книги — собрания «Архангельские былины и исторические песни». Путь ученого в филологии сложился так, что древнерусская литература и диалектология оттеснили в его научной деятельности фольклористику на второй план. Но несмотря на это, А. Д. Григорьев оказал большое влияние на развитие отечественной науки об устном народнопоэтическом творчестве. Он не только подготовил одно из самых крупных эпических собраний, но и в определенной степени предугадал важнейшее из направлений в развитии былиноведения XX столетия.

¹ Л о б о д а А. М. Русский богатырский эпос. Опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу. Киев, 1896. С. 88.

² О н ч у к о в Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.

³ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

- ⁴ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1. Зимний берег Белого моря; Ч. 2. Терский берег Белого моря // Труды Муз.-этногр. комиссии. М. 1906. Т. 1. С. 39—104 (15 текстов); 1911. Т. 2. С. 43—111 (38 текстов).
- ⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. Поморье. Пинега. М., 1904; Т. 2. Кулой. Прага, 1939; Т. 3. Мезень. СПб., 1910.
- ⁶ См. об этом: И в а н о в а Т. Г. 1) Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. 1982. № 1. С. 141—143; 2) Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Русская литература. 1982. № 4. С. 128—129.
- ⁷ ГБЛ, ф. 160 (А. В. Маркова), к. 4, ед. хр. 426.
- ⁸ Там же. Ед. хр. 427.
- ⁹ Вероятно, имеется в виду В. В. Богданов, секретарь этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
- ¹⁰ ГБЛ, ф. 160, к. 4, ед. хр. 425.
- ¹¹ В 1899 г. в селах Нижняя и Верхняя Золотица А. В. Марков записал 111 былин, исторических песен, баллад и скоморошин.
- ¹² С. В. Максимов побывал в Поморье в 1855 г.
- ¹³ В первом томе «Архангельских былин» опубликовано 36 поморских былин и старших эпических баллад.
- ¹⁴ Материалы для диссертации по «Повести об Акире Премудром».
- ¹⁵ Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. 63—67.
- ¹⁶ Там же. С. XIII.
- ¹⁷ Григорьев А. Д. [Рец. на кн.: Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894] // Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 184.
- ¹⁸ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1900 год, составленный А. Н. Пыпиным. СПб., 1901. С. 57—67 (приложение № 9 — отчет А. Д. Григорьева).
- ¹⁹ В первом томе «Архангельских былин» опубликовано 176 пинежских текстов: № 88 (124) записан от М. Д. Кривополоновой в следующем 1901 г., а № 176 (212) получен от пинежского крестьянина Иова в 1899 г. в Поморье, где Иов находился, возвращаясь из Соловецкого монастыря.
- ²⁰ ЛО ААН, ф. 134 (А. А. Шахматова), оп. 3, ед. хр. 413, л. 3 об.—4.
- ²¹ Там же. Л. 9—9 об.
- ²² Григорьев А. Д. Мои воспоминания о записи кулойских былин // Slavica. Roč VII. 1928. № 4. S. 980.
- ²³ О з а р о в с к а я О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ. // Там же. № 2. S. 408.
- ²⁴ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1901 год, составленный А. И. Соболевским. СПб., 1902. С. 25 (приложение № 1 — отчет А. Д. Григорьева). В собрании «Архангельские былины» опубликовано 156 нотных расшрифтов.
- ²⁵ ГБЛ, ф. 160, к. 4, ед. хр. 428.
- ²⁶ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 3 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 24.11.1900 г.). См. также рекламу готовящейся книги в «Этнографическом обозрении» (1900. № 2. С. 188): «Сборник беломорских былин, собранных летом 1899 года г. г. А. В. Марковым и А. Д. Григорьевым».
- ²⁷ Там же. Л. 1 об.
- ²⁸ Там же. Л. 9 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 17.12.1900 г.).
- ²⁹ Там же. Л. 2.
- ³⁰ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 44—45.
- ³¹ Там же. Л. 36.
- ³² И. С. Тезавровский (1871—1941) — член Музыкально-этнографической комиссии (с 1901 г.), артист оркестра Большого театра в Москве (см.: Б е р н а н д т Г. Б., Я м п о л с к и й И. М. Кто писал о музыке. Биобиблиогра-

фический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 3, 122).

³³ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 19 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 2.02.1902 г.).

³⁴ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 36 об.—37 (письмо А. Д. Григорьева в ОРЯС от 10.05.1902 г.). Один из 19-ти валиков был разбит.

³⁵ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1902 год, составленный В. И. Ламанским. СПб., 1903. С. 49—50 (приложение № 4 — отчет А. Д. Григорьева).

³⁶ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 36 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 10.05.1902 г.).

³⁷ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 33 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 2.09.1902 г.).

³⁸ Там же. Л. 60 (Выписка из протокола заседания ОРЯС от 3.05.1903 г.).

³⁹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 17 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 27.07.1903 г. В конце письма ошибочно проставлена неверная дата: «27 июля 1901 года»).

⁴⁰ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 63 (письмо не датировано).

⁴¹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 101 (письмо не датировано).

⁴² Там же. Л. 46 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 1.11.1903 г.).

⁴³ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 63 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову; не датировано).

⁴⁴ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 57 об.

⁴⁵ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1904 год, составленный Е. Е. Голубинским. СПб., 1904. С. 30 (приложение № 2 — отчет А. Д. Григорьева).

⁴⁶ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 61 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 30.04.1904 г.).

⁴⁷ Григорьев А. Д. Мои воспоминания о записи кулойских былин. С. 982—983.

⁴⁸ Карский Е. Ф. // Рус. филол. вестник. 1905. № 1. С. 162.

⁴⁹ Корнилов П. // Живописная Россия. 1904. № 21 (177). С. 180.

⁵⁰ Фомин А. // Лит. вестник. 1904. Кн. 8. Критика и библиография. С. 238.

⁵¹ Ф. Новое в этнографии. Скоморошья старины // Рус. муз. газ. 1907. № 32/33. Стб. 699.

⁵² Маслов А. По поводу изданий императорской Академии наук // Рус. муз. газ. 1905. № 29/30. Стб. 697—704; Маслов А. // Тр. Муз.-этногр. комиссии. 1906. Т. 1. С. 524—525. См. также рецензия Е. Ляцкого (Вестник Европы. 1904. № 11. С. 379—381), А. Лободы (Журн. министерства народного просвещения. 1905. № 9. Критика и библиография. С. 161—179).

⁵³ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 63.

⁵⁴ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1904 год, составленный Е. Е. Голубинским. СПб., 1904. С. 31 (приложение № 2 — отчет А. Д. Григорьева).

⁵⁵ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 46.

⁵⁶ Там же. Л. 68 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 10.11.1904 г.).

⁵⁷ Там же. Л. 70 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 24.11.1904 г.).

⁵⁸ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1903 год, составленный Н. П. Кондаковым. СПб., 1903. С. 29 (приложение № 2 — отчет А. Д. Григорьева). См. также: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1905 год, составленный Н. П. Кондаковым. СПб., 1905. С. 29 (приложение № 3 — отчет А. Д. Григорьева).

⁵⁹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 75 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 29.01.1905 г.).

⁶⁰ См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1905 год, составленный Н. П. Кондаковым. С. 30.

- ⁶¹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 87 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 28.04.1907 г.).
- ⁶² Там же. Л. 89 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 28.10.1908 г.).
- ⁶³ Там же. Л. 106 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 15.12.1909 г.).
- ⁶⁴ Там же. Л. 113.
- ⁶⁵ Там же. Л. 112 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 19.02.1910 г.).
- ⁶⁶ Экземпляры 1 и 3-го томов, принадлежавшие лично А. Д. Григорьеву и предназначенные им для продажи.
- ⁶⁷ Григорьев А. Д. Русский язык. Введение. История русского народного и литературного языка. Варшава, 1915.
- ⁶⁸ То есть полевые записи.
- ⁶⁹ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 122 (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 23.09.1915 г. из Нахичевань-на-Дону).
- ⁷⁰ ААН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 774, л. 86 (черновик письма ОРЯС к А. Д. Григорьеву от 29.09.1917 г.).
- ⁷¹ Озаровская О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ. // *Slavia*. Роѣ VII. 1928. № 2. С. 405.
- ⁷² Григорьев А. Д. Мои воспоминания о записи кулойских былин. С. 982—983.
- ⁷³ Vasmer M. // *Deutsche Literaturzeitung*. 1941. Bd 62. N 39/40. S. 928.
- ⁷⁴ ААН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 413, л. 70—70 об. (письмо А. Д. Григорьева к А. А. Шахматову от 24.11.1904 г.).
- ⁷⁵ Григорьев А. Д. Общие результаты работы собирателей и исследователей русских былин // Научно-литературный сборник. Повременное издание «Галицко-русской матицы». Львов, 1906. Т. 5, кн. 2. С. 81.
- ⁷⁶ В. И. Ягич — издатель первого международного славистического журнала «*Archiv für slavische Philologie*» (1875—1920). Статья А. Д. Григорьева в этом издании напечатана не была.
- ⁷⁷ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1902 год, составленный В. И. Ламанским. СПб., 1903. С. 50 (приложение № 4 — отчет А. Д. Григорьева). С докладом о былине «Путешествие Вавилы со скоморохами» ученый выступал на заседании этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (См.: Этнографическое обозрение. 1903. № 4. С. 179).
- ⁷⁸ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. 1. С. XX—XXI.
- ⁷⁹ Там же. С. XXI.
- ⁸⁰ Н. В. В.—в. // Этнографическое обозрение. 1904. № 4. С. 185.
- ⁸¹ См.: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора Л., 1982; Аникин В. П. Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984; Селиванов Ф. М. Устойчивость и изменчивость образной системы в былине о Ставре Годиновиче // Традиции русского фольклора. М., 1986. С. 25—68; Былины / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1986 (Б-ка поэта. Большая сер.).